

Каманов, А. Неправда, друг не умирает... / А. Каманов // Комсомольская правда. — 1986. — 2 сентября. — С. 2.

НЕПРАВДА, ДРУГ НЕ УМИРАЕТ...

Комсомолец Александр Мироненко один из первых был удостоен Героя Советского Союза (посмертно) за мужество и героизм, проявленные при исполнении интернационального долга в ДРА.

Он понял: бой будет неравным. Взвод пробивался через заснеженные перевалы Кунара на выручку афганскому подразделению, зажато му душманами в горном ущелье. Неожиданно из засады полоснули свинцовые плети. Отсекли трем разведчикам путь к своим. Гвардии старший сержант Александр Мироненко принял решение мгновенно. По его команде разведчики заняли круговую оборону. Круговая оборона – это когда за плечами надежный друг. Очень надежный. Они уверенно встречали врага.

В жизни он не умел и так бы, наверное, никогда не научился нападать. В его улыбке было что-то гагаринское. Лучистое, открытое. Из него мог получиться неплохой врач. Доучивался в строительном техникуме, а мать уже видела его в институте, зная, какими книгами зачитывался сын по ночам.

Мне не надо «придумывать» своего героя. Он был талантливым человеком. Об этом говорили все знавшие его. Говорили по-разному, но все об одном и том же – о таланте доброты, которым природа щедро наделила этого парня. Открытого, улыбчивого, выделявшегося мощной фигурой и ростом даже среди одноклассников-акселератов.

Запомнились слова его первой учительницы Антонины Михайловны Голиковой: «Силушка в нем играла». У нее никогда не возникало опасения, что эта закипающая сила повзрослевшего питомца могла быть направлена на плохое.

С одним из друзей Саши случилось несчастье. Баловался с тяжелой штангой и не удержал. Перелом обеих рук. Мироненко не был первым учеником в классе. Но как-то само собой решилось, кому заниматься с товарищем, чтобы тот не пропустил четверть. «Других надо просить помочь. А он все видел сам и умел быть нужным людям», – сказала о Мироненко преподаватель истории Тамара Семеновна Смирнова.

Они жили в одном дворе. Тамара Семеновна никогда не видела сына соседей слоняющимся без дела. Почти все свободное время поглощал спорт – Саша, сильный, ловкий, добрый, был кумиром мальчишек.

В Мироненко-школьнике; мне особенно дорога одна черта – не по-детски мудрая бережность в отношении к матери и родным. К сожалению, ко многим из нас это не приходит даже с годами.

Бывая в недельных походах с одноклассниками, он всегда умудрялся позвонить домой из ближайшего кишлака.

Знал: за него тревожатся. Однажды позвонил из города, где служил. Мать дома не застал, Валентина Гавриловна пришла, поздно, расстроилась, Вновь звонок. В трубке далёкий родной голос сына...

– Сани дома не было, когда у меня поднялось давление, – рассказывала Валентина Гавриловна. – Вызвали «Скорую». Когда она уехала, – пришел Саня. Мы смотрели телевизор. Саня

с порога спрашивает: «Была «Скорая»? Отец ему: «Откуда узнал?» – «На повороте встретил. Почувствовал – от нас едет. Присел ко мне на кровать, стал гладить руки...

Надо ли говорить, что он был любимцем в семье?

Душманы шли цепью в полный рост. Он подпустил их поближе. И почти в упор полоснул длинной злой очередью. Обожглись, гады! Коротко и отрывисто били автоматы товарищей. Разведчики поняли: их хотят взять живыми. И теперь берегли каждый патрон. Душманы поднимались в атаку. В горячке боя он не сразу понял, когда перестал слышать автомат справа.

А потом настала та страшная минута. Он остался один. Только теперь почувствовал, что ранен. Какая, к черту, круговая оборона. Он остался один и отбивал атаки справа, слева, с тыла. Его окружали плотным кольцом...

Когда его нашла вторая пуля, у него не было времени думать об этом. Главное – удержать оружие. Он не выпускал из рук автомата, пока не израсходовал весь боезапас. Оставалась одна, последняя, граната. Он перекатился на спину. Выдернул чеку, прижал гранату к груди, машинально прикрыл ладонью, словно огонёк сигареты от ночных снайперов. У него оставалось еще несколько мгновений, чтобы подумать о себе и о том, как все это с ним случилось. Прощаясь, он посмотрел в блеклое небо долгим-предолгим взглядом...

Он был первой перчаткой в республике среди школьников. Не бросал тренировок и в техникуме. Тренеры считали его перспективным, но недостаточно жестким для будущего чемпиона: не любил побеждать с явным преимуществом. В части у него не оказалось достойных соперников. И он отказался от официальных поединков. Командиру стоило немало труда упрямому сыну выступить в ответственных соревнованиях. Он легко занял первое место.

Комсорг. Заместитель командира взвода. Дока по части специальной выучки. Он стал хорошим десантником – расчетливым, смелый, дерзким. Кто бы мог подумать, что этот богатырь плохо переносит самолет. Про это знали только самые близкие и мать, которая высылала ему таблетки.

В одном из писем домой он написал: «Прибыло пополнение. Я как раз был в наряде. Неужели мы были когда-то такие же жалкие? Плохо едят. Один привез из дома мешок с сахаром. Все смеются над ним, а мне не до смеха...» Валентину Гавриловну это совсем материнское «плохо едят» в устах сына тронуло до слез. Эх, Саня, зрячее сердце. Самому-то тебе каково?

В армии до многого доходишь сам и гораздо быстрее, чем если бы ты был на «гражданке». «Раньше мне казалось, что у меня мало свободного времени. И только здесь я понял, как много его было. И как глупо я его транжирил. Не все можно наверстать, Вадим! Лучше все делить в своё время...»

В армии он начал писать стихи. Мне запомнилось самое раннее из написанных на первом году службы. Называлось оно «Голубые Береты» и было чуточку наивным, романтическим и пылким признанием в любви к роду войск, в котором ему так трудно и радостно служилось. Казалось, впереди для стихов целая жизнь. До увольнения я запас оставалось три месяца.

Шаги. Слушать шаги! В наступившей после перестрелки тишине это единственная зацепка для ускользающего сознания. Ближе, ближе. Откуда-то выплыло перекошенное, как из кривого зеркала, лицо. Враг отшатнулся, точно ударенный взглядом разведчика. Последним усилием волн он заставил разомкнуться стиснутые вокруг гранаты пальцы. Взрывом

разметало окруживших его душманов. Уцелевшие долго не решались приблизиться. Вдруг опять произойдет что-то? И окончательно сметет их с лица земли. Он был им страшен и мертвый.

С Ириной он познакомился в техникуме. Она пришла проводить его в армию. Мать почувствовала некоторую напряженность. На тонкую девичью руку легла женская — матери, труженицы, медсестры. «Ты приходи к нам, Ирина, вместе будем Саню ждать». Он благодарно чмокнул в щеку одну из двух самых дорогих своих женщин на свете. «Умница, мамуля»,

Я не стал искать встречи с Ириной. Я уже видел ее глаза. В короткой документальной ленте об Александре Мироненко, снятой режиссером «Таджикфильма» Евгением Кузиным, есть весёлый такой эпизод. Поёт и пляшет свадьба Вадима Мкртчяна. Он был в бою в том же ущелье. Цветы. Поцелуй. На свадебном пиджаке орден Красной звезды. И не находишь слов, какие — глаза Ирины. Вдовьи глаза на двадцатилетнем лице. Я видел человеческую радость и рядом горе, снятое по живому... И мне было не все равно — знать, что, если бы в этой истерии не было смерти, то история Ирины и Саши была бы историей верности и любви.

«Запомни, ты — мироненковец», — говорят в этой школе первоклассникам. — «Где бы ты ни находился, помни, что ты ученик школы имени Героя Советского Союза А.Г. Мироненко. Ты давал клятву всегда и везде беречь Достоинство ученика нашей школы...». Это из наказа выпускнику. Несколько лет название школы пишется с именем Мироненко. Каким же добрым и мужественным был парень, если память о нем задела сердца сотен людей.

Мы успели о многом переговорить с Тамарой Семеновной Смирновой. Я уже знаю, что школа у них — большая. Две полные смены. Преподавание ведется на трех языках — русском, таджикском, узбекском. Передать даже один, единственный класс под музей в таких условиях непросто...

— Это предложили сами ребята, — Тамара Семеновна подводит меня к стенду с новыми фотокопиями. Их подлинники не спутаешь с продукцией современных фото, ателье. Так снимали сорок с лишним лет назад — в перерывах между боями, в эвакогоспиталях, в отпусках по случаю ранения.

Наверное, старшеклассники из совета музея заслужили «пятерки» по новейшей истории, поместив этот стенд рядом с жизнеописанием Александра Мироненко. Подвиг уравнивает поколения. Впрочем, понимание этого придет к юным следопытам позже. Куда большую гордость у них вызвало чисто случайное совпадение: Мироненко оказался 50-м героем Таджикистана и первым — в мирное время. Дети? Конечно, дети...

Кропотливый сбор материала о боевом пути 17-й гвардейской Мозырской кавалерийской дивизии для них тоже в принципе игра. Но вот в музей вносят с наивозможной торжественностью стенд, посвященный выпускникам школы, избравшим военную профессию. Их уже 30 — мотострелков, артиллеристов, летчиков, моряков. Каждый год этот список удлинняется на 3–4 фамилии. Уже не игра — дело жизни, пример которой показал их старший товарищ — Александр Мироненко.

К сожалению, куда чаще слова о подвиге, вообще о героизме воспринимаются нынешними школьниками как-то отвлеченно, без прикидки на себя. Чем больше я узнавал о школе, тем чаще у меня мелькала одна мысль. Чтобы подвиг воспитывал, память о нем должна стать укладом жизни. Уклад — это когда к дню рождения героя в школе готовятся каждый раз, как к 1 сентября. Когда этому предшествует нечто подобное «Сашиной неделе» в душанбинской школе № 37. Все шесть дней между классами идет соревнование за право участвовать в школьном празднике. Когда сам этот

праздник не только будоражит души воспитанников, но и пробуждает, если хотите, профессиональные амбиции воспитателей. Удался праздник преподавателя физкультуры (разумеется, со спортивным уклоном) — они на коне. Чем ответят будущий год учителя по труду?

Я слушал на старенькой «Дайне» запись ученических сочинений о подвиге Мироненко. Стихов было больше, чем прозы. Поэты безоглядно жертвовали формой ради содержания. Впрочем, рифма – пустяки. Главное – в другом. Говоря о нынешней молодежи «не та», отдаем ли мы себе отчет в том, что это и про таких, как Мироненко? Хочется взять таких взрослых за руку и привести в школьный музей.

Пусть будут стихи и проза. Пусть не кончается негласная борьба ребят за звание лучшего экскурсовода музея.

А книга отзывов, этот удивительный человеческий документ, пусть наполнится словами вроде этих: «Мы, ученики 3-го «А» школы № 20, пришли сегодня в музей славы героев Таджикистана. Мы принесли с собой несколько саженцев вишни и хотим посадить их во дворе вашей школы в честь героев...»

Мать готовила себя к этому. И всё же, вернувшись в гостиницу из музея, будто потеряла сына во второй раз. Вынув конверт с московским штемпелем из почтового ящика в Душанбе, она не сразу поняла прочитанное. Центральный музей Вооруженных Сил СССР просил передать на хранение дорогие реликвии. Но дома Шашиных вещей почти не осталось. Она достала чистую скатерть. Сверху выложила Указ Президиума Верховного Совета СССР, Звезду Героя, Орден Ленина, несколько фотографий, голубой берет. И вот перед глазами он – большой, веселый, ладный, ласковый. Благо, голубые береты от слез не линяют.

Потом была Москва, встреча с командующим Воздушно-десантными войсками. Она услышала от разных людей много хороших слов о своем сыне. Но сомнение оставалось. Казалось, с передачей музею бесценных для нее реликвий, оборвется ниточка в прошлое. Должно быть, седой генерал лучше других понял, что значит для матери солдата этот дар музею. Она запомнила его слова: «Ваш сын теперь многим нужен. Нас не станет, а он будет жить». Ей захотелось побыть одной и обо всем подумать...

Дома ее ждали письма. «Здравствуйте, дорогая мама! Пишут Вам сослуживцы Саши...»

Заезжают уволившиеся в запас сослуживцы сына. Рослые, немногословные парни в голубых беретах. Очень похожие на него и всегда почему-то чуточку виноватые. Для них этот неблизкий круг через Душанбе перед родным домом вроде ритуала.

Она всегда так думала – ее не станет, а он будет жить. Но вот бьется ее сердце, а его нет...

А Шашины друзья, а письма, а музей, а стройотряды, а «Шашина неделя», а Вечный огонь? Вечный.